

Глава 11

Линь Фэнмин на мгновение замер, его глаза невольно расширились. Он и представить не мог, что столь незначительный, на его взгляд, случай Янь Юнь будет хранить в памяти до сих пор.

Однако для киноимператора это явно не было мелочью. Зрители тоже не остались равнодушными:

[Боже, что это за родители?! Надеюсь, братцу Юньцзы не сильно досталось, когда его избили... Парень, ты заслужил эту жену своей кровью!]

[Погодите, дайте мне это переварить...]

[Такое красивое имя — Линь Фэнмин — придумал брат Юнь?! Черт, сам выбрал имя своей половинке... В этом есть что-то пугающе интимное.]

[Что за люди?! Запереть ребенка дома, чтобы он не уехал учиться в другую провинцию... Это вообще законно?]

[Офигеть, я и подумать не мог, что ему специально сорвали экзамен по литературе.]

[У меня слов нет... Настоящая школьная романтика, они так стремились друг к другу. Мама дорогая, это слишком сладко.]

[Это фэнтези. Определенно фэнтези. В наше время такой любви не бывает (надевает темные очки).]

[(снимает очки и рыдает)]

[Ха-ха-ха, кто это тут у нас страдает от одиночества? А, это же я.]

Ответы на пять вопросов были даны. Профессор Линь передал коробку ведущему, чувствуя странное стеснение в груди. Десять лет прошло, и те воспоминания, которые, казалось, давно стерлись и потускнели, теперь лавиной захлестнули разум.

***

Оказывается, ничто не забыто. Ни им, ни Янь Юнем.

Ведущий взял коробку и обратился к остальным парам, но Линь Фэнмин, погруженный в свои мысли, почти не слушал его. Когда же он наконец пришел в себя и повернул голову, то

наткнулся на тяжелый, нечитаемый взгляд Янь Юня.

Тот смотрел прямо, не скрывая обжигающей жажды, которая, словно огненные языки, готова была испепелить всё на своем пути.

Киноимператор, видимо, не ожидал, что Ниннин поднимет глаза в этот момент. Оба замерли. Спустя три секунды они синхронно отвели взгляды.

Они не виделись целый месяц. Прежде неразлучные любовники превратились в «самых близких незнакомцев», но как бы ни взывал к порядку рассудок, тело было честным в своих реакциях. Линь Фэнмин прикусил нижнюю губу, пытаясь подавить нахлынувший трепет.

Семь лет брака, тринадцать лет знакомства. Они знали друг друга слишком хорошо. Настолько, что одного взгляда хватало, чтобы посеять хаос в душе и заставить оборону рухнуть.

Почти бессознательно, пытаясь скрыть свое смятение, Линь Фэнмин переключил внимание на вторую пару, чей опрос был в самом разгаре.

Парень по имени Дуань Синбэй растерянно держал в руках карточку с вопросом:

— Я... простите, я не знаю.

Профессор Линь нахмурился, вчитываясь в текст: «Каким по счету ребенком в семье является тот из вас, кто старше?»

Даже в его случае, когда Линь Фэнмин разорвал все связи с семьей, Янь Юнь мог без запинки перечислить всех его родственников и назвать имена родителей. Но юноша не знал. Он выглядел подавленным, его пальцы, сжимавшие листок, побелели от напряжения.

Жуань Сянь изобразил крайнее изумление:

— Президент Цинь не рассказывал тебе о своей семье? Как можно не знать ответ на такой простой вопрос?

Оба мужчины — и Янь Юнь, и Линь Фэнмин — произнесли почти одновременно:

— Брак касается двоих людей, а не двух семей.

Жуань Сянь осекся, но больше всех, похоже, был шокирован сам Дуань Синбэй. Он замер, не зная, куда деться от неловкости.

Придя в себя, Жуань Сянь обиженно поджал губы. Чэн Сюй, услышав это, бросил на него короткий взгляд:

— А ты знаешь, сколько человек в моей семье?

Собеседник замялся:

— Ну... у тебя же есть младший брат?

Чэн Сюй предсказуемо вздохнул:

— Я единственный ребенок. Тот парень — мой двоюродный брат.

Му Ян поспешил сгладить углы:

— Единственные дети в семье часто не делают различий между родными и двоюродными братьями, так что ошибка господина Жуаня вполне объяснима.

Дуань Синбэй, почувствовав поддержку, немного приободрился и уже хотел поблагодарить его, как услышал резкое замечание Чжэн Чуханя:

— Тебя кто-то спрашивал?

Когда Цинь Фэн снял наушники, перед ним предстал поникший возлюбленный и компания притихших участников с весьма красноречивыми минами. Конечно, за исключением Линь Фэнмина и Янь Юня — те выглядели так, будто всё происходящее их совершенно не касается.

Президент Цинь прочитал вопрос и спокойно ответил:

— Я единственный сын, братьев и сестер у меня нет.

Дуань Синбэй опустил голову и едва слышно прошептал:

— ...Прости.

Мужчина снова нахмурился:

— За что ты извиняешься?

— Я не знал... не смог ответить, — голос Синбэя дрожал, но звучал искренне. — Мне правда очень жаль.

— Не нужно извинений, — Цинь Фэн аккуратно надел на него наушники. — Теперь ты знаешь.

Парень вздрогнул, словно от ожога, и невольно поднял взгляд на партнера. Эта сцена заставила Линь Фэнмина удивленно приподнять брови. Похоже, эта пара не совсем соответствовала его представлению об «идеальном браке». Они мало знали друг о друге, но их взаимная привязанность была очевидна.

Возможно, в мире вообще не существует того самого «абсолютно гармоничного» союза, который рисует воображение. Для этих двоих опрос стал не проверкой синхронности, а способом наконец-то узнать друг друга.

Зрители комментировали:

[Это больше похоже на первое свидание, чем на шоу о женатых парах.]

Впрочем, это никого не отталкивало. Хотя чат поутих, интерес не угасал. Кто-то метко заметил:

[Пахнет тропом «любовь после свадьбы».]

Однако вскоре выяснилось, что у оставшихся двух пар дела обстоят еще хуже.

Когда настала очередь третьей пары, Чэн Сюй отвечал на вопросы о Жуань Сяне безупречно. Несмотря на свой подчеркнуто мужественный и даже несколько беспечный вид, он в деталях знал пристрастия партнера, его день рождения и даже его предпочтения в еде.

В противовес ему Жуань Сянь, который только что картинно удивлялся неосведомленности соседа, плавал в ответах о собственном муже. Он не смог даже точно назвать его возраст. Зрители были в шоке, а к концу опроса Чэн Сюй выглядел заметно помрачневшим.

Последними были Чжэн Чухань и Му Ян. С самого начала Чжэн Чуханю достался вопрос, похожий на вопрос Чэн Сюя: «Какой любимый фрукт у того из вас, кто старше?»

Чжэн Чухань лишь раздраженно бросил:

— Не знаю.

Янь Юнь, хранивший молчание всё это время, внезапно подал голос:

— Твоего мужа действительно жаль.

Янь Юнь был известен в индустрии своим прямым характером, но столь открытая насмешка была редкостью даже для него. Остальные участники были удивлены, а Линь Фэнмин невольно взглянул на него. Возможно, это было самонадеянно, но, зная Юня... у того явно обострились «старые болячки».

Собственничество этого человека порой переходило все границы. Когда-то давний одноклассник Линь Фэнмина позвонил ему посреди ночи в нетрезвом состоянии. Янь Юнь, перехватив трубку, разразился такой едкой тирадой, что бедолага мгновенно протрезвел. После этого все контакты того человека чудесным образом исчезли из телефона профессора.

Линь Фэнмин не стал устраивать допрос. Когда тот знакомый, не теряя надежды, попытался добавиться к нему снова, он ответил лишь одной фразой:

«Прости, мой муж сердится».

Когда Янь Юнь позже узнал о повторной попытке, его лицо приняло в точности такое же выражение, как сейчас.

Чжэн Чухань, услышав выпад, тоже вспыхнул. Он холодно усмехнулся:

— И чего его жалеть? У нас в доме готовит он. Что хочет, то и покупает, мне-то какое дело?

Сердце Линь Фэнмина екнуло. Он невольно посмотрел на Му Яна, который сидел в наушниках и с тревогой наблюдал за своим партнером, видя его недовольство, но не понимая причины спора.

Дальнейший опрос прошел предсказуемо. Тот отвечал на редкость детально — даже подробнее, чем Чэн Сюй. Но единственный вопрос, на который смог ответить Чжэн Чухань, был из разряда «на грани»: «До какого места на теле партнера нельзя дотрагиваться?»

Слушая их, Линь Фэнмин всё сильнее хмурился. Это было совсем не похоже на ту картину семейной жизни, которую он себе представлял, но окружающие, казалось, не были удивлены. Словно суть брака для многих и заключалась в подобном безразличии.

Когда опрос закончился, Чэн Сюй уже взял себя в руки и вел себя с Жуань Сянем как ни в чем не бывало. Му Ян же и вовсе не выглядел обиженным; казалось, он заранее знал, что партнер не ответит ни на один вопрос, и продолжал лишь мягко улыбаться.

Линь Фэнмин не любил лезть в чужие дела, но увиденное не давало ему покоя. Он невольно проецировал это на их отношения с Янь Юнем, но вскоре размышления пришлось оставить.

Разминочный этап официально завершился. Ведущий улыбнулся:

— В первый день мы решили дать вам немного пространства для адаптации, поэтому закончим пораньше. Но завтра трансляция будет идти до девяти вечера, и каждое ваше действие окажется под прицелом камер. Пожалуйста, будьте готовы.

Не дожидаясь возражений, Цяо Шань объявил:

— На сегодня всё. Можете отправляться в свои комнаты и разбирать багаж. Продукты на кухне в вашем распоряжении, просьба не переводить их зря. Дальше — ваше личное время. Увидимся завтра в восемь утра.

***

После этого ведущий вместе со съемочной группой покинул зал. Зрители в чате буквально взвыли, не желая расходиться.

Линь Фэнмин всё еще пребывал в прострации, пока Янь Юнь, подхватив его чемодан, не поднялся с места.

— Ты что делаешь? — спросил профессор, словно только что очнувшись.

Мужчина окинул его странным взглядом:

— Отношу твои вещи.

Помня, что на камеру нужно играть роль любящих супругов, Линь Фэнмин не стал спорить и молча последовал за ним на второй этаж. Однако, остановившись перед дверью, он вдруг осознал неладное: откуда тот знает, где его комната?

— Тут замки с отпечатками пальцев, так удобнее, — произнес актер, толкая дверь. Выражение его лица, когда он стоял за спиной Линь Фэнмина, было невозможно разобрать. — Внутри камер нет, заходи.

В поле зрения появилась просторная, светлая комната с широкой двуспальной кроватью. Линь Фэнмин замер, осознав очевидное: им с Юнем снова придется делить ложе.

Он не помнил, как вошел внутрь; в голове воцарился полный хаос. На самом деле, это было логично — пары на таком шоу живут вместе. Но мозг Линь Фэнмина, казалось, намеренно блокировал эту возможность до последнего момента. Пока реальность не ударила наотмашь.

Раздался негромкий щелчок магнитного замка. Камеры остались по ту сторону двери.

Плотные шторы были задернуты, в комнате царил полумрак. Из-за спины слышались знакомые, размеренные шаги. Человек остановился прямо за ним.

Знакомый трепет поднялся из глубины души, дыхание участилось. Линь Фэнмин резко обернулся, желая включить свет, но Янь Юнь оказался быстрее. Тот перехватил его руку, дернул на себя и с силой прижал к двери.

— !!

Обжигающее тепло чужого тела ощущалось даже сквозь одежду. Линь Фэнмин был намертво припечатан к дверному полотну. Он судорожно вцепился в ручку за спиной, его зрачки сузились, ресницы задрожали, а по телу пробежала неконтролируемая дрожь.

В темноте Киноимператор склонился к нему, его горячее дыхание коснулось плеча:

— И с какой же силой я тогда тебя целовал?

В комнате было почти темно, лишь тонкие полоски солнечного света пробивались сквозь щели в шторах. Линь Фэнмин, вцепившись в ручку двери, дрожал, как натянутая струна. Это не был страх. Это была отчаянная попытка подавить импульс. Импульс ответить на этот напор.

В их жизни было бесчисленное множество подобных ночей. Самолет приземлялся, Янь Юнь возвращался домой под покровом темноты, и стоило Линь Фэнмину подойти, чтобы встретить его, как тот прижимал его к двери спальни и целовал снова и снова.

Линь Фэнмин обычно пытался обнять его в ответ, но Янь Юнь, чья жажда контроля порой пугала, не позволял этого.

«Ты опять не ложишься вовремя, Линь Ниннин, — он вытягивал пояс его халата и, не терпя возражений, связывал ему руки за спиной, приматывая к дверной ручке. — Знаешь, что за этим последует?»

Линь Фэнмин в воспоминаниях специально, притворялся, что не слышит, тянулся за поцелуем, надеясь избежать наказания, но Янь Юнь лишь жестко подминал его губы под свои и не допускающим возражений тоном приказывал: «Отвернись».

Сейчас дверь надежно скрывала их от объективов. Тьма разъедала рассудок, и на миг Линь Фэнмин перестал понимать, где воспоминания, а где реальность.

Не дождавшись ответа, Янь Юнь повторил свой вопрос прямо ему в ухо:

— Ниннин, насколько сильно я тебя тогда целовал?

<http://bllate.org/book/15367/1372799>